

Мурзилка 1956/02

Детский журнал

УДК 82-1--053.2
ББК 84-5
М91

М91 Мурзилка 1956/02: Детский журнал / – М.: Книга по Требованию, 2024. – 36 с.

ISBN 978-5-458-40483-9

Один из лучших детских журналов в СССР

ISBN 978-5-458-40483-9

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2024
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2024

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

сёлок, как над головами у них послышался необычный шум мотора. Огромная красная стрекоза опускалась с неба.

— Вертолёт! За ним! Надо показать дорогу! — крикнул Костик.

Первым из вертолёта вышел высокий полковник с чемоданом в руке. Под его шинелью ребята заметили белый халат.

Ребята и не пытались попасть в хату.

А ковш Медведицы кренился и кренился, последняя его звезда, звезда Николая Сергеевича, всё ниже опускалась к земле, и от этого у ребят всё сильнее щемило сердце.

С рассветом снова на снопях нельзя было отыскать свободного местечка. Ребята приходили с портфелями, чтобы прямо отсюда идти в школу... И вот, по каким-то неуловимым признакам, по блеску глаз

Они уселись стайкой на камышовых снопах перед окнами и находились, как воробьи в непогоду. Сидели, молчали, не спускали глаз с окон, вздрагивали при каждом лязге щеколды. К вечеру на снопях уже не осталось ни одного свободного места — прибежали почти все ребята из посёлка.

Из хаты выбежала Клава, и все подались к ней с немим вопросом. Она только головой крутнула и бросила на бегу:

— Нельзя сейчас везти... Нетранспортабельный...

Это слово показалось ребятам таким страшным, что они ещё теснее прижались друг к другу.

Загорелась первая звезда, вторая, десятая... Засияла Большая Медведица. Дважды выходил из хаты полковник в белом халате. Он шагал по двору, курил папиросу за папиросой. Один раз он остановился и долго смотрел на небо. Ребята были уверены, что смотрел он на Большую Медведицу.

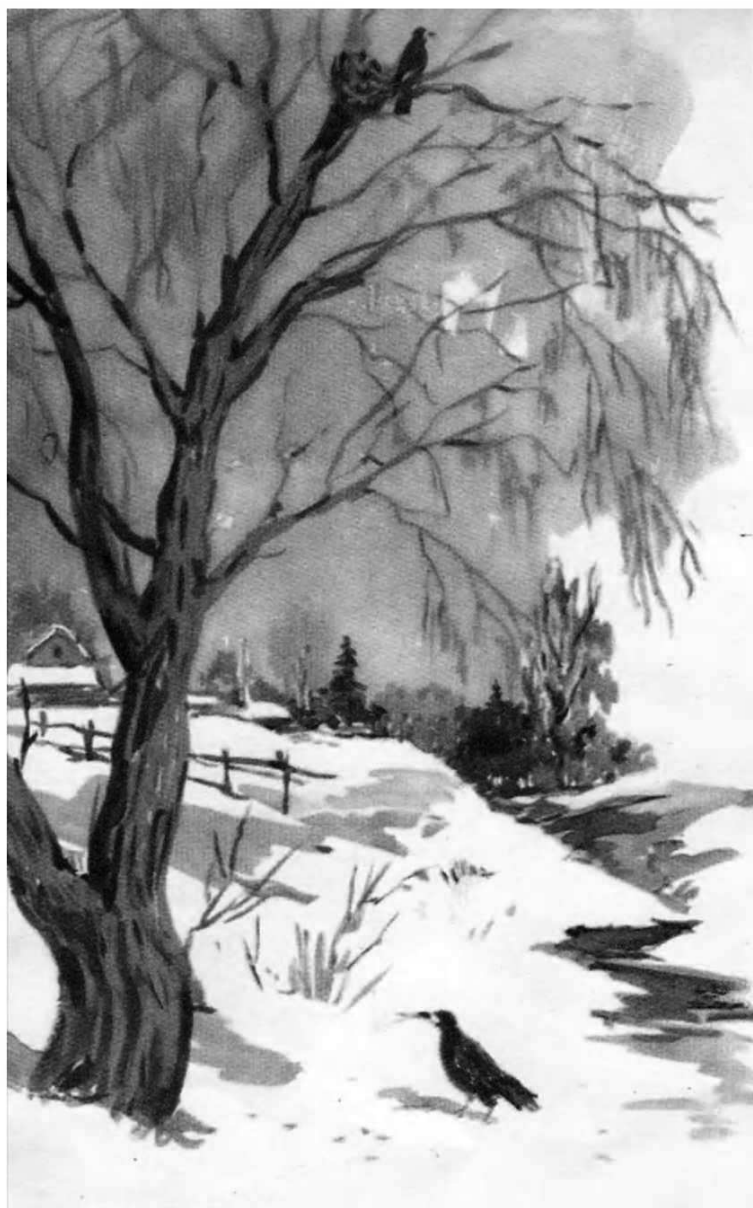
фельдшерицы, по походке полковника, даже по тому, как потянулся у двери один из лётчиков с вертолёта, хрустнув суставами, — ребята поняли: другу стало легче.

А когда поднялось солнце, Николая Сергеевича, укутанного одеялами, вынесли на носилках из хаты. Он очень изменился за эти сутки. Но и теперь он оставался весёлым человеком. Запавшие глаза его лучились, и на осунувшемся лице играла улыбка.

— Аркадий! Подожди минуту... — попросил он. — Видишь их? Это Большая Медведица...

— Что? Медведица? Вот это интересно... — пробасил полковник. — Только почему их не семь, а все семьдесят семь?

— Ничего... — улыбнулся Николай Сергеевич. — Это только на небе в созвездии Большой Медведицы старые звёзды не затухают, новые не загораются... А наши созвездия дружбы пусть растут и светят ярче небесных... Это хорошо... Пусты!

З. ТЕЛЕСИН

Цицици

Рис. А. ПАУКОВА

У нас на старом яворе
В ложине, где ручей,
С весны до поздней осени
Жила семья грачей:

Папа-грач,
И мама-грач,
И пятеро грачат.
Не слышно, как петух поёт,
Когда они кричат.

Сказал бы кто-нибудь из них
Другому: «Не кричи», —
Так нет, никто не скажет так,
На то они грачи.

Бывало днями летними
Лежу я у ручья,
Гляжу, чем занимается
Грачиная семья:

Папа-грач,
И мама-грач,
И пятеро грачат, —
Куда летят,
Зачем летят
И что они едят?

Вот высунулся из гнезда
Взъерошенный отец.
А вот грачихи голова —
На ней как бы чепец.

И улетел куда-то грач
С грачихою своей.
Птенцы кричали им вослед:
«Вернитесь поскорей!»

Но не прошло пяти минут,
Они назад летят.
Раскрыли рты — гляди-ка ты! —
Пятеро грачат...

И снова отправляются
Родители в полёт,
И снова открывается
Воронкой каждый рот.

И снова начинается
Кормление птенцов.

Лишь к вечеру кончается
Галдёж в конце концов.

* * *

Недавно мимо явора
Я гнал гусей домой.
Я поднял кверху голову —
Вот грач знакомый мой.

С грачихой и грачатами
Стоял, как никогда
Серьёзный и внимательный,
На краешке гнезда.

Грачата очень выросли,
И трудно их узнать:
Один птенец —
Точь-в-точь отец,
Другой похож на мать.

Они вот-вот отправятся
Туда, где нет зимы...
Но знаю я: придёт весна,
И будем вместе мы.

Но не успел подумать я —
Гляжу, уже летят
Папа-грач,
И мама-грач,
И пятеро грачат.

ЮРИЙ НАГИБИН

Рис. Ф. ЛЕМКУЛЯ

В канун революции наша маленькая цыганская семья после долгих и трудных скитаний осела в зажиточной станице Позднеевке.

Мы поселились в старой хатёнке, стоявшей на краю огромного фруктового сада.

Я жил среди деревьев, под звон пчёл и цикад, бездумный и беззаботный, отогреваясь домашним теплом после всех наших мытарств, и нисколько не думал о будущем. Отчим лудил котлы, чернил чугуны, сшивал сковороды. Получал он за свою работу копейки, но после таборной нищеты и эта жизнь казалась зажиточной. Я от души считал, что нет мне другой заботы, как петь песни, вдыхать запах цветов и объедаться яблоками...

Словом, всё шло к тому, чтобы я превратился в одного из тех ленивых, никчёмных

молодых цыган, что живут, как птицы небесные, милостью добрых людей.

Но одно происшествие нарушило безмятежный ход моей жизни. Мама задумала отдать меня в школу. У цыган, даже оседлых, не было в обычае, чтобы дети учились в школе, но мы, живя вдали от своего племени, приобрели все привычки русских.

Хотя я завидовал молодым ребятам, которые читали книги и даже газеты, но в школу идти мне не хотелось. Смущало меня и то, что мне, двенадцатилетнему парню, придётся сидеть в первом классе вместе с малышами.

Я был худой, тонкий, но притом рослый мальчик, с широкими плечами и кудрявым чубом. Пришлось очень долго уламывать учителя, прежде чем он согласился принять меня в школу.

День, когда меня снаряжали в школу, был самым большим днём в жизни моей матери. Оказывается, она давно готовилась к этому торжеству. Меня одели во всё новое: брюки в полоску, вышитая косово-

ротка, хромовые сапоги, картуз, пахнущий клеем, ранец, в который мама заботливо уложила завтрак. Когда с козелковым ранцем за спиной я зашагал в школу, мать долго махала мне вслед косынкой и той же косынкой утирала слёзы.

Позднеевская школа состояла из одной большой комнаты, где занимались сразу все четыре класса. Каждый ряд был классом.

Первоклассники сидели в первом ряду, второклассники — во втором и т. д. В то время как мы, новобранцы, зубрили азбуку, другой класс решал арифметическую задачу, третий учил стишок, четвёртый долбил какое-то правило. Каждый «класс» производил свой особый шум, и, сливаясь воедино, эти шумы наполняли школьное помещение гудом пчелиного роя. Я удивлялся, как учитель не терял голову в этом гаме и кутерьме.

Надо сказать, что мое появление в школе отнюдь не способствовало порядку. Учитель вёл занятия с нами попеременно. Едва я занял своё место рядом с малышом, не достигавшим мне до плеча, как на меня обрушились насмешки. Конечно, при моём росте, ширине плеч, курчавом чубе я был смешон среди малышей-первогодков, и в душе я не мог осудить насмешников. «Привыкнут — перестанут смеяться», — думал я, терпеливо принимая в затылок шарики из жёванной бумаги, которыми обстреливали меня старшеклассники.

Но уже на первой перемене мне стало ясно, что дело тут не

в моей великовозрастности, а в моих чёрных кудрявых волосах, в моей смуглой коже, в моём звонком «р».

Каждый старшеклассник норовил толкнуть меня, наступить на ногу, ущипнуть, дёрнуть за волосы.

— У-у-у, черномазый!..

— Эй, цыган, коня украл?

— Цыган — вор!..

Если бы не уважение к школьным стенам, я бы, верно, не удержался и отвесил кое-кому добрую оплеуху. Не решился я и уйти: слишком живо помнилось мне счастливое, заплаканное лицо мамы.

Позднеевка делилась на несколько «краёв». Была Миллионовка — край кулаков-богатеев и зажиточных хозяев; Поповка — край деревенской голытьбы; Таврия — там обитал сбродный народ: деревенские ремесленники, вроде моего отчима, станционные служащие, садоводы.

Когда занятия в школе окончились, я заметил, что лишь немногие школьники отправились в Таврию, а все остальные в другую сторону, к Миллионовке. И тут я всё понял. Я увидел сытые, гладкие лица кулацких сынков и понял, что их злоба ко мне никогда не пройдёт.

Когда я обогнул старую церковь, на встречу мне вышла вся ватага. Они, видно, пробежали низом.

— Если ты, цыганское отродье, ещё сунешься в школу, рыло свернём, — пообещал мне старшой ватаги.

Я молча двинулся своей дорогой. Во мне всё кипело, но я боялся драки, не из-за себя,

а из-за новой рубашки, новых брюк в полоску, любовно отглаженных мамой. И тут кто-то сзади дал мне подножку. Я- размахнулся и, не метя, ударил кого-то.

Хромой сторож Микула обнаружил в бурьяне мое бездыханное тело. Он кликнул на помощь прохожего, и вдвоём они принесли меня домой...

Бедная мама так плакала, что я готов был каждый день возвращаться из школы избитым, только бы утешить её.

— В чём ты теперь пойдёшь, горемычный мой! — горестно вздыхала мама, указывая на жалкие лохмотья, в какие превратилась моя новенькая одежда.

Но учиться мне хотелось: даже побои не смогли изгнать из моей души очарование мудрёной буквы «ф», о которой я узнал на первом и единственном в моей жизни уроке. А главное, я хотел теперь учиться назло кулацким сынкам, изгнавшим меня из школы.

Раздобыв учебники и тетрадки, я в каких-нибудь два месяца одолел премудрость первых двух классов. Никогда не забуду, как поразил я маму, прочтя на печатке чая: «Китайский чай, сорт номер три».

— Этот мальчик какое-то чудо! — сказала мама, заплакала, дала мне «на каждый день» починенные брюки в полоску и купила за тридцать копеек тетрадь в клеёночной обложке.

...Осень в том году выдалась на редкость тёплая, даже жаркая, вторично зацвели вишни. Я сидел под густым вишнёвым цветом и играл на цимбалах. Но короткий и печальный опыт школьной учёбы прогнал мир и покой из моей души. Глухой, высокий забор окружал сад, за этим забором был чужой, враждебный и манящий мир. Я думал о нём с тоской и страхом и веда-ть не ведал, как близка та пора, когда бедный, обездоленный человек станет хозяином в этом большом мире.

ЕВГ. ФАЙРАБЕНД

НА ЛЕСОПИЛКЕ

Хорошо на лесопилке!
Всюду запахи смолы.
Брызжут лёгкие опилки,
Словно снег, из-под пилы.

А пила здесь не простая:
Так быстра и так остра —
Из опилок вырастает
Сразу целая гора.

И не люди — сила тока
Вертит круглую пилу.
Брёвна движутся потоком
К раме — длинному столу.

Режет дерево свободно
Эта круглая пила,
Разрезает как угодно:
Поперёк и вдоль ствола.

Если вдоль — так будут доски,
Поперёк — так чурбаны.
И какие-то полоски
Всё на дереве видны.

Это кольца годовые,
Словно справка о летах.
Может, слышишь ты впервые
О подобных паспортах?

Подсчитай отметки эти.
Означает их число,
Сколько лет на белом свете
Это дерево росло,
Чтобы стать фанерой гладкой,
Ученической тетрадкой,
Разноцветною пластмассой
И большой доскою классной.

БОЛГАРСКИЕ НАРОДНЫЕ СКАЗКИ

ГЕОРГИЙ ГУЛИА
Рис. А. ЛИВАНОВА

Дорогие ребята!

Недавно я побывал в Болгарии. Перед отъездом из Москвы редакция «Мурзилки» попросила меня:

— Привезите для ребят болгарские сказки про Хитрого Петра.

Я пообещал.

В народной Болгарии я видел новые города, новые фабрики и заводы, красивые сёла в осеннем убранстве, высокие Родопские горы и Придунайские равнины. Бывал и в школах, разговаривал с учениками. Они меня всё спрашивали:

— Как живут советские ребята?

— Хорошо ли учатся?

— Что они делают в часы отдыха?

На все вопросы приходилось отвечать подробно.

Могу вам сказать, что ученики и ученицы в Болгарии — прилежные, в школе ведут себя дисциплинированно, слушаются своих родителей. Дети просили передать советским ребятам горячий привет, что я с удовольствием и делаю.

В Болгарии я увиделся с известным писателем Ангелом Каралийчевым, автором многих рассказов и сказок для детей. Он мне посоветовал взять для «Мурзилки» три народные сказки, которые печатаются в этом номере журнала.

Может быть, кто-нибудь из ребят и слышал их, но уверен, что таких будет очень немного. Поэтому я и решил пересказать их для вас.

О ЧЁМ РАССКАЗАЛИ РЫБЫ

Однажды в село привезли рыбу. Целую телегу. Стоит купец и расхваливает свой товар: дескать, и такая рыба, и этакая, и свежести необыкновенной — словом, цены ей нету.

Крестьяне обступили телегу. Протиснулся сквозь толпу и Хитрый Пётр. А глаз у Петра острый, нюх — прекрасный. Тотчас же приметил — несвежая рыба. А купец всё лучше хвалит её: поскорее сбыть хочет.

Достал Хитрый Пётр маленькую рыбёшку и поднёс её к своим губам, а потом — к самому уху и слушает внимательно, словно рыба ему что-то нащёптывает.

— Что ты делаешь? — спросили Петра крестьяне.

— Ничего особенного, — ответил Пётр, — разные морские новости выведываю.

— И что же тебе сообщила эта рыбёшка?

— «Да старые всё новости», — говорит мне она. — «Почему старые? — спрашиваю её. — Разве ты не вчера со дна морского прибыла?» — «В том-то вся штука, что нет, — отвечает мне рыбёшка. — Мы четвёртый день в этой телеге валяемся».

Крестьяне смекнули, в чём дело, и купца погнало прочь.

ЖАДНЫЙ ТОРГОВЕЦ

Случилось так, что усталый и голодный Хитрый Пётр попал на ярмарку. Очень хотелось ему поесть чего-нибудь, а у самого — корка хлеба в дорожном мешке и ни гроша в кармане. Что делать?

Вот шагает Пётр мимо харчевни. Прямо на виду жарится мясо, а в больших кастрюлях варятся вкусные супы.

У одной кастрюли, из которой валил густой пар, Хитрый Пётр остановился в раздумье. Наконец он достал из мешка корку хлеба, отломив кусочек, хорошенько попарил его и положил себе в рот. Так он понемногу съел всю корку и только собирался уходить, как его схватил за руку толстый и очень жадный торговец.

— Эй, бродяга! — закричал торговец. — Плати деньги!

Пётр удивился.

— За что же? — сказал он. — Я же ничего у тебя не покупал.

— А хлеб ел?

— Но это же мой хлеб!

— А пар? Не будь этого вкусного пара над кастрюлей, ты никогда бы не одолел сухой корки. Плати деньги!

— У меня нет денег! — И в доказательство своих слов Хитрый Пётр вывернул карманы.

Как это обычно водится на ярмарке, собрался народ, чтобы поглядеть, чем всё это кончится.

— Раз у тебя нет денег, — говорит тор-

говец, — получай десять ударов палкой. Это и будет плата.

Подумал Пётр, почесал затылок, да и говорит:

— Ладно. Бей!

Он стал на солнцепёке и обратился к толпе с такой речью:

— Добрые люди! Верно, я полакомился пищей, не прикасаясь к ней. Мне нечем платить за это, и, как видно, должен я понести наказание... Вот моя тень, хозяин. Бей её и не прикасайся ко мне!

Люди пристыдили жадного торговца, а Хитрого Петра похвалили за находчивость.

ХИТРЫЙ ПЁТР И ЭФФЕНДИ

Как-то повстречал Хитрого Петра богатый турок — эффенди. Немало людей надул этот самый эффенди и прослыл в своём народе отъявленным лжецом.

— Ты и есть Хитрый Пётр? — спросил эффенди.

— Да, это я, — ответил Пётр.

Эффенди сказал:

— Я слышал, что ты очень хитёр и можешь обмануть хоть кого. А меня провести ты сумел бы?

— Нет, эффенди, — сказал Пётр, — я не обманываю честных людей. Но тебя надул бы не без удовольствия.

Эффенди обиделся на Петра за то, что тот его за честного человека не считает. А Хитрый Пётр продолжал:

— Но прежде чем мы померяемся с тобой, я схожу к себе за дорожным мешком: я в нём свои враки храню. А ты подожди меня на этом самом месте.

— Согласен, — сказал самоуверенный эффенди, — тащи свой мешок!

Ждал эффенди Хитрого Петра час, ждал два, прождал весь вечер, всю ночь — так и не дождался. Наутро плетётся эффенди, зелёный от злобы. Видит: шагает по улице Хитрый Пётр как ни в чём не бывало.

— Что, Пётр, испугался моего обмана? — ядовито спросил эффенди.

— И не бывало эффенди! — отозвался Хитрый Пётр. — Я тебя обманул и без моего дорожного мешка с враками: всю ночь ты промаялся. Что было бы с тобой, если бы я вернулся с мешком?

ЗАБАВНЫЕ МАЛЫШИ

Г. СКРЕБИЦКИЙ

Рис. Г. НИКОЛЬСКОГО

На берегу Чёрного моря, возле города Сухуми, находится замечательный питомник. Там разводят обезьян. Обезьяны живут в питомнике в просторных клетках — вольерах.

Обычно своего детёныша воспитывает сама обезьяна-мать. Ну, а если случится, что она заболела и не может ухаживать за малышом, тогда его помещают в особые, обезьяньи, ясли. О некоторых питомцах этих яслей я и хочу рассказать.

В питомнике была обезьянка-макака, по кличке Хризантема. У неё родился детёныш, а через месяц Хризантема тяжело заболела. Малыша пришлось поместить на воспитание в ясли. Назвали малыша Амкой. Он был так мал, что мог уместиться на ладони, даже на спичечной коробке свободно сидел. Амка был удивительно некрасив: почти весь голый, только немножко чёрной шерсти на спине да на голове. Но зато на голове волосы торчали на две стороны, будто их на пробор расчесали.

Первые дни, когда Амку отняли от матери и принесли в ясли, он очень скучал. Сядет бывало в уголок клетки, сложит губы трубочкой и тихонько укает: «У-у-у-у!» К счастью, Амка тосковал по своей матери совсем недолго. Очень скоро он успокоился, привык к людям и совсем повеселел.

А сколько интересного и забавного удалось подметить, наблюдая за ним! Ну, прежде всего Амка был страшный собственник. Когда он попал в ясли, была зима. Малышам в клетки клали матрасик, резиновую грелку с тёплой водой, и всё это застилали простынкой, а сверху ещё детёнышей укрывали тёплым одеяльцем.

Вот Амка лежит на грелке под одеяльцем и сосёт соску-пустышку. Если его в это время попытаться взять на руки, он старается захватить с собой всё имущество: простынку, грелку, одеяльце, даже матрасик, — ничего оставлять не хочет, всё тащит с собой. А сам сердится, кричит. А крик-то какой у него был забавный, будто он вас прогнать хочет. Ясно-ясно так выговаривает: «Уйди, уйди! Пусти, пусти!»

А один раз совсем потеха вышла. Пришёл в питомник кто-то из посторонних. Амка в это время лежал, отдыхая, в своей кроватке. Гость захотел его приласкать. Только попытался взять на руки, Амка как вцепится в своё добро да как запищит на всю комнату: «Уйди! Уйди-ти-и-и-и! Пусти-и-и-и-и-и!»

— Ишь, какой вежливый, — изумился гость, — даже на «вы» разговаривает!

Конечно, ни о какой вежливости Амка и понятия не имел, просто пищал от злости. Но уж больно забавно это у него получилось, будто и впрямь с чужим человеком на «вы» разговаривал.

